

Виола Лейс

Запретный  
БОСС

*Не прощи, но впусти*

18+

Виола Лейс

**Запретный Босс,  
Не прощу, но впущу**

«Автор»

2026

**Лейс В.**

Запретный Босс, Не прощу, но впущу / В. Лейс — «Автор», 2026

Один его взгляд — и я упала в пропасть без дна. Мы сгорали друг в друге до дрожи. Я — до слёз, которые глотала, чтобы не рассыпаться пеплом. А потом по мне ударила правда. И я ушла — с разорванным сердцем, с его ребёнком под сердцем. Я поклялась, что больше никогда не стану куклой, которую могут сломать.

© Лейс В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                                    |    |
|----------------------------------------------------|----|
| От автора                                          | 6  |
| Глава 1. Ливень                                    | 7  |
| Глава 2. Человек, который не умеет останавливаться | 9  |
| Глава 3. Запертая дверь                            | 12 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                  | 15 |

# **Виола Лейс**

## **Запретный Босс, Не прощу, но впущу**

*Роман*

*«Можно ли простить того, кого любилась больше жизни?»*

## От автора

Я мать-одиночка. Каждое утро я шепчу дочке: «Мы выстоим». Я верила, что выстою, — пока под ледяным ливнем на моём пути не возник он.

Один его взгляд — и я упала в пропасть без дна. Мы сгорали друг в друге до дрожи. Я — до слёз, которые глотала, чтобы не рассыпаться пеплом. А потом по мне ударила правда.

И я ушла — с разорванным сердцем, с Милой на руках и с его ребёнком под сердцем. Я поклялась, что больше никогда не поверю ни одному мужчине.

Но он вернулся. С правдой в глазах и с вопросом, который разрезал тишину: «Можно ли собрать нас из пепла?»

Я не знаю, простит ли любовь предательство.

Если ты когда-нибудь любил так, что боль становилась твоим воздухом, открой эту книгу. Она разорвёт тебя. И, возможно, соберёт заново.

## Глава 1. Ливень

*Злата*

Дождь хлестал по лицу, холодный и беспощадный. Я бежала через перекрёсток, прижимая сумку к груди и придерживая свободной рукой капюшон, который ветер срывал снова и снова. Каблуки скользили по мокрому асфальту, и каждый шаг отдавался дрожью в коленях — и где-то глубже, в сердце. Светофор давно мигнул зелёным, но я всё равно рванула вперёд: до шести нужно было забрать дочку из садика, иначе воспитательница опять посмотрит так, будто я худшая мать на свете.

Мама с утра ушла в поликлинику, и садик достался мне. Я вылетела с подработки на сорок минут позже, чем обещала, и теперь считала каждую секунду.

Миле пять. Если быть точной — пять лет и три месяца. У неё огромные серо-зелёные глаза, как у меня в детстве, только чище, без той усталости, что уже поселилась в моих. Каждое утро она обнимает меня за шею и шепчет: «Мам, ты самая красивая, даже когда злая». Я улыбаюсь, целую её в макушку, пахнущую клубничным шампунем, и внутри всё сжимается — от нежности и от вины. От вины за то, что провожу с ней слишком мало времени. За то, что прихожу измотанной и порой срываюсь на «ешь быстрее» или «пожалуйста, не трогай».

«Только бы она не сидела в раздевалке одна, с красными глазами, — крутилось у меня в голове. — Только бы не спросила у нянечки: „А мама придёт?“»

Чёрный внедорожник вынырнул слева внезапно, как тень. Визг тормозов полоснул по нервам. Я замерла посреди проезжей части: ноги приросли к асфальту, дыхание оборвалось коротким испуганным всхлипом. Машина остановилась в двадцати сантиметрах от моих колёс — так близко, что я видела каждую каплю, стекающую по блестящему капоту.

Стекло опустилось медленно и бесшумно. Мужчина за рулём смотрел спокойно, почти равнодушно: тёмные глаза, идеально очерченный подбородок, воротник дорогого пальто. Он не закричал и не махнул рукой — просто спросил низким, глубоким голосом, от которого внутри у меня что-то оборвалось:

— Вы в порядке, милашка?

Я судорожно кивнула. Горло перехватило, и я едва выдавила:

— Да... Извините.

Он чуть наклонил голову. Его взгляд медленно скользнул по моим мокрым волосам, по прилипшей к телу куртке, задержался на губах и опустился ниже — к шее, к ключицам. В этом не было наглости. Только странная, тягучая неторопливость — словно он запоминал меня по частям. Или уже знал, что эта встреча не случайна.

Потом короткий кивок. Стекло поднялось. Машина плавно, без рывка, ушла вперёд.

Я ещё несколько секунд стояла под дождём, пока ледяные струйки стекали за воротник, и не могла пошевелиться. В груди пульсировал странный ком: страх, адреналин и что-то тёплое, почти запретное. Его взгляд будто оставил на коже горячий след. Сердце колотилось так, словно я бежала не через дорогу, а через всю свою жизнь.

«Глупая, — сказала я себе. — Тебя чуть не сбили, а ты думаешь о каком-то мужчине. Мила ждёт».

Я заставила себя сделать шаг, потом другой и на негнущихся ногах перешла дорогу. В раздевалку влетела мокрая, запыхавшаяся, ещё не пришедшая в себя. Мила сидела на скамеечке, крепко обхватив рюкзачок обеими руками. Но стоило ей увидеть меня, как личико вспыхнуло радостью. Она вскочила и бросилась ко мне, вцепилась в ноги.

— Мамочка! А я думала, ты забыла!

Я опустилась перед ней на колени прямо на мокрый пол и прижала к себе. От дочки пахло клубничным шампунем и простым детским счастьем. От этого запаха, от облегчения, от любви, которой стало тесно в груди, глаза обожгло слезами.

— Прости, солнышко. Мама здесь. И всегда будет приходить за тобой.

Она доверчиво уткнулась носом мне в шею, но тут же отстранилась:

— Ты совсем мокрая и холодная! Пойдём скорее домой, я тебе чай налью.

Я рассмеялась сквозь слёзы, поцеловала её мокрые щёки и взяла за руку. Мы вышли под дождь: она пряталась под моим зонтом, а я шла, согнувшись, чтобы ей было удобно. Всю дорогу Мила взхлёб рассказывала про новую девочку в группе и замок из пластилина. Я слушала, послушно кивала — а внутри всё ещё мелко дрожало от случайного взгляда на перекрёстке.

Ночью сон не шёл. Мила спала рядом, раскинув ручки, и тихо посапывала, а я смотрела в тёмный потолок. Тело ныло от усталости, но глаза не закрывались: в памяти снова и снова всплывали его подбородок, голос и ощущение, будто он увидел меня всю — до самого дна.

Я повернулась на бок, подтянула колени к груди, пытаюсь унять неровный стук сердца. Страх мешался с чем-то горячим, почти болезненным. Меня вернуло в реальность только дыхание спящей рядом девочки — моей единственной причины просыпаться по утрам. Я осторожно поцеловала её в висок и прошептала в темноту:

— Спи, моя хорошая. Мама рядом.

Через три дня я сидела в приёмной на пятнадцатом этаже. Вакансия помощника руководителя казалась мне подарком судьбы: пятидневка с девяти до пяти, зарплата, которой хватит не только на «дожить до аванса». Узкая скамья, ледяные ладони, сумка, край которой я нервно теребила уже минут десять.

Утром Мила заглянула мне в глаза и спросила: «Мам, ты сегодня такая красивая, потому что идёшь на работу?» Я только кивнула, поцеловала её в нос и пообещала, что вечером мы прочитаем сказку про дракончика.

Эта работа могла изменить всё. Больше не считать копейки до зарплаты, не вздрагивать от каждого звонка из банка. Отвести Милу на танцы — она так мечтает, а я пока даю ей только фломастеры и четыре стены. Мама, как всегда, была на моей стороне — как и тогда, когда я, девчонка, забеременела от школьной любви, а любовь исчезла, едва узнав. Мама не упрекнула меня ни единым словом. Просто сказала: «Родишь — вырастим». И мы растим. Вдвоём. Втроём.

Я ещё раз пригладила волосы и глубоко вдохнула. Только бы получилось. Пожалуйста.

Дверь кабинета бесшумно открылась, и на пороге появился он.

Я узнала его мгновенно. По безупречной осанке. По тому, как он привычным точным движением поправил манжету. По тому, как всё внутри меня оборвалось и полетело вниз — так же, как под дождём, на перекрёстке.

— Злата Сергеевна? — сказал он. Тот же низкий, спокойный голос. Только теперь в углу его губ дрогнула едва заметная улыбка.

Мир сузился до этой улыбки. Я встала — колени предательски дрожали — и тихо ответила:

— Да.

## Глава 2. Человек, который не умеет останавливаться

*Тимур*

Я не заметил её сразу. Это правда, и я не буду себя оправдывать.

В тот вечер я ехал из аэропорта, злой, как чёрт, после разговора с Валерией. Она позволила, едва я вышел из терминала: «Задержусь в Лондоне ещё на месяц. Ты же справишься без меня, Тимур. Ты всегда справляешься». Она сказала это ровно, без обиды — и от этого ровного голоса мне хотелось разбить телефон о приборную панель. Десять лет брака, а мы давно разговаривали как коллеги, которые делят общую бухгалтерию.

Дождь лил стенами. Дворники не справлялись. Я смотрел на красный сигнал, не видя его, а потом перед капотом возникла женская фигурка.

Я ударил по тормозам так, что ремень впился в грудь. Машина встала в двадцати сантиметрах от неё. Двадцать. Я потом проверял по следам на асфальте.

Она стояла, прижимая сумку к груди, вся мокрая. Капюшон сдуло на плечи, волосы прилипли к щекам. Глаза огромные, серо-зелёные, перепуганные, и в них было не только «меня чуть не сбили». Там было что-то ещё. Усталость человека, который давно тащит на себе больше, чем может нести. И упрямство — «я не упаду».

Я опустил стекло. Сказал первое, что пришло в голову:

— Вы в порядке, милашка?

Дурацкое слово. Я не употреблял его годами. Оно просто вырвалось, как выдох.

— Да... Извините, — ответила она. Голос сорванный, тонкий.

Я должен был кивнуть и уехать. Вместо этого я смотрел на неё. На капли на ресницах. На губы, побелевшие от холода. Меня как будто ударило током, хотя ничего не произошло. Я запомнил её — как запоминают место, где собираются вернуться.

Потом я закрыл окно и уехал. Руки на руле дрожали, и это бесило меня сильнее всего.

Через два дня моя помощница по кадрам принесла стопку резюме. Я не читаю резюме на должности ассистентов: это работа для отдела. Но верхняя папка лежала раскрытой. «Злата Сергеевна. Дети: дочь, 5 лет».

Я узнал фотографию. Не лицо — взгляд. Тот, что был под дождём.

Я сказал: «Этого кандидата я проведу сам». И только потом понял, что произнёс это вслух.

Она вошла в кабинет, и всё внутри меня встало на место — как будто кто-то нажал нужную клавишу. Строгая тёмная юбка, волосы собраны в тугой узел, но одна прядь уже выбилась. Она старалась не смотреть мне в глаза слишком долго. Я чувствовал, как она борется со страхом, и не мог отвести взгляда.

Я задавал вопросы ровно, по списку, но не слышал ни одного ответа. Только голос — мягкий, чуть хрипловатый от волнения. Запах — ваниль и дождь. Руки: пальцы теребят край папки, ногти без лака, аккуратно подстрижены. Руки женщины, которая всё делает сама.

— У вас ребёнок? — спросил я, хотя знал это из резюме.

Она замерла. Подтвердила. Дочке пять лет. Я спросил, не трудно ли одной, и она опустила глаза:

— Она — моё всё.

Я сказал «Я вижу», и сам удивился, как глухо это прозвучало. Потому что я действительно видел. У меня самого никогда не было того, ради чего хочется выстоять.

Когда собеседование закончилось, я обошёл стол и протянул ей руку. Это была ошибка. Её пальцы — холодные, маленькие, твёрдые — сомкнулись вокруг моих, и я, не думая, провёл большим пальцем по внутренней стороне её запястья. Пульс под кожей бился быстро-быстро, как у птицы.

— Жду вас с понедельника, Злата.

Она ушла. Я сел, посмотрел на свою левую руку. На безымянном пальце тускло блеснуло золото. Я снял кольцо и положил его во внутренний карман пиджака. Первый раз. Мне хотелось сказать себе, что это ничего не значит. Не получилось.

Потом были недели.

Она приходила за пятнадцать минут до начала и уходила последней. Я наблюдал за ней из кабинета сквозь стеклянную стену, как мальчишка. Как она убирает прядь за ухо. Как говорит по телефону — тихо, нежно, с кем-то из своих (я быстро понял: либо дочь, либо мать). Как внимательно проверяет цифры по третьему разу, хотя я давно сказал, что этого достаточно.

Я проходил мимо её стола чаще, чем требовалось. Говорил себе: проверяю, как она вписалась. Лгал. Мне просто нужно было чувствовать, что она рядом.

В один из вечеров, когда офис опустел, я застал её за отчётами.

— Уже поздно, Злата. Идите домой.

Она подняла усталый взгляд и сказала, что хочет закончить таблицу. Я не ушёл. Спросил, кто сейчас с дочкой. Она рассказала про мать — как та забирает Милу из садика, готовит ужин, держит их маленький мир на плечах. Я слушал и вдруг понял, что завидую. Не ей. Тем людям, у которых за спиной есть такая стена. Когда я сказал, что хорошо, когда рядом такие люди, она сглотнула, и я понял — попал в самую незащищённую точку.

Меня учили не лезть в такие точки. Я полез.

В пятницу мы засиделись над презентацией для инвесторов до десяти вечера. Я вышел из кабинета в расстёгнутой рубашке, с закатанными рукавами, — и увидел, что она всё ещё здесь, с красными от экрана глазами и той самой выбившейся прядью.

— Злата, вы всё ещё здесь?

— Хочу, чтобы всё было идеально.

Я предложил отвезти её домой. Она отказывалась. Я настоял. В лифте нас накрыла такая тишина, что я слышал, как она дышит. Я спросил, зачем она так отчаянно старается. Она ответила честно: ради мамы и дочки; чтобы никто не мог сказать, что она не тянет.

— Вы тянете, — сказал я. — Очень даже.

Она улыбнулась — слабо, но так по-настоящему, что я на секунду забыл, как открывается дверь на паркинг.

Дорога под дождём, джаз вполголоса, дворники в ритме метронома. Я спросил про Милу. Не из вежливости: мне правда хотелось знать. Злата повернулась ко мне, и её лицо изменилось — стало светлым, мягким.

— Всё, что связано с животными. Особенно единороги. А ещё она печёт с бабушкой печенье с корицей. Мама говорит: «Это наш секретный ритуал, пока мама на работе завоёвывает мир».

Я улыбнулся. Тоже по-настоящему — давно такого не случалось.

— А вы? — спросил я. — Что любите вы, Злата?

Она замолчала. Я понял, что этого вопроса ей не задавали очень давно.

— Наверное, тишину по утрам, когда Мила ещё спит. И когда она обнимает меня и говорит: «Мам, ты самая-самая».

Я смотрел на неё сбоку и думал: как же я устал быть человеком, которого никто так не обнимает.

— Вы заслуживаете большего, чем быть «самой-самой» для ребёнка, — сказал я, заглушая мотор у её дома. Дождь барабанил по крыше.

Она подняла на меня глаза. И я сделал то, чего не имел права делать. Я не хотел, чтобы она видела во мне хищника, и, наверное, поэтому в тот момент мне было страшно. Я наклонился медленно, давая ей время отстраниться. Она не отстранилась.

Её губы были тёплые и чуть дрожали. Я поцеловал её осторожно — как задают вопрос, на который боятся услышать «нет». Она ответила, приоткрыв губы, и мир на секунду остановился. Я не трогал её руками. Только губы, только дыхание. Мне казалось, если я позволю себе большее, то уже не остановлюсь.

Она отстранилась первой. Щёки пылали.

— Мне нужно идти. Мама ждёт. Мила...

— Конечно, — сказал я. — Спокойной ночи, Злата.

Она выскочила под дождь. Добежала до подъезда, обернулась. Я не уехал, пока за ней не закрылась дверь. Фары освещали лужи, а я сидел, вцепившись в руль, и повторял себе: останови это. Пока не поздно. Пока ты ещё можешь.

Телефон завибрировал на сиденье. «Лера: Всё нормально? Ты не отвечал два часа».

Я посмотрел на экран. Потом перевернул телефон экраном вниз.

И поехал домой — в пустую квартиру, где тишина давила сильнее, чем дождь.

### Глава 3. Запертая дверь

*Злата*

Я вбежала в подъезд, прижимая ладонь к губам, и остановилась только на площадке второго этажа. Прислонилась лбом к холодной стене. Сердце бухало так, что, казалось, его слышно через все перекрытия.

«Что я наделала? Это мой начальник. Это работа, которая нужна мне как воздух. Это...» Это был самый осторожный поцелуй в моей жизни. И самый опасный.

Мама открыла дверь тихо — она всегда открывает тихо, чтобы не разбудить Милу.

— Всё хорошо, солнышко?

— Да. Подвезли с работы.

Она посмотрела внимательно. Мама умеют смотреть так, что любое враньё рассыпается ещё в горле.

— Хороший человек?

Я пожала плечами и слабо улыбнулась.

— Пока не знаю.

Мила спала, раскинув ручки. Я поцеловала её в лобик и прошептала: «Мамуля дома». Потом села на кухне. Мама поставила передо мной чай. Я обхватила чашку обеими ладонями, и стало заметно, что они дрожат.

— Ты дрожишь, — сказала мама.

— От дождя.

Она села напротив и накрыла мою руку своей.

— Злат, если что-то происходит — говори. Я не осужу.

И я не выдержала. Слёзы подступили мгновенно, горячие и злые на саму себя.

— Я боюсь, мам. Боюсь всё испортить. Для Милы. Для нас. Мы только-только выплыли...

— Ты не испортишь. — Она сжала мои пальцы. — Ты сильная. И ты имеешь право быть счастливой. Не только мамой. Не только дочерью.

Я заплакала тихо, уткнувшись ей в плечо. Она гладила меня по спине, как маленькую. «Вот так, — думала я сквозь слёзы. — Вот ради такого человека я готова работать по двадцать часов в сутки».

Ночью я лежала без сна и вспоминала поцелуй. Медленный, осторожный. Его дыхание. «Вы заслуживаете большего». Внутри боролись страх всё потерять и тёплое, нелепое, невозможное «а вдруг». Я повернулась на бок, подтянула колени, и внизу живота разлилось знакомое опасное тепло. Я закрыла глаза и заставила себя думать о Миле, о золотой моей девочке, которой скоро в школу. Но мысли возвращались к нему.

К тому, как он стоит слишком близко. К тому, как дыхание касается моей кожи.

Я встала и подошла к окну. Город спал. А я чувствовала себя канатоходкой — между мамой, которая держит мой мир на своих плечах, и мужчиной, который одним взглядом может этот мир перевернуть.

Под утро я всё-таки уснула.

Следующая неделя прошла как под водой. Тимур появлялся в девять, всегда проходил мимо по касательной, избегая прямого обращения. Но его взгляд цеплялся за мелочи: за волосы, когда я поправляла их; за губы, когда отвечала на звонок; за запястье, протягивающее документы. Секунды растягивались до бесконечности. Кожа горела. Я покорно опускала глаза, зная: он всё понимает. И он знает, что я тоже смотрю.

Мы больше не говорили о том вечере. Он был безупречно вежлив. А я ненавидела эту вежливость так, как ненавидят закрытую дверь, за которой горит свет.

Утром в тот день Мила проснулась с хриплым: «Мам, горло болит». Но температуры не было, и она рвалась в садик — сегодня у них рисование. Я прижала её, вдохнула запах детских волос, поцеловала горячий — или мне показалось? — лобик и прошептала: «Мама вечером придёт пораньше, обещаю». Мама пообещала забрать Милу раньше и напоить малиновым морсом с мёдом. Меня уже грызла вина: вчера я опять задержалась, мама всё сделала за меня, а я даже не позвонила проверить, как дочка.

В офисе воздух с самого утра казался густым. Тимур проходил мимо моего стола чаще обычного. Остановился, наклонился — якобы спросить про график, — и его дыхание обожгло мне ухо:

— Злата... ты сегодня выглядишь особенно опасно.

Голос низкий, с хрипотцой. По позвоночнику побежали мурашки. Я почувствовала, как под тонкой блузкой твердеют соски, как внизу живота становится влажно и горячо. Я ненавижу себя за эту слабость и не могла её заглушить.

К обеду он вызвал меня в кабинет. «Бюджет. Срочно».

Я вошла с папкой в руках. За спиной щёлкнул замок. Он повернул ключ. Звук прозвучал как приговор.

Тимур стоял у окна спиной ко мне: пиджак снят, рубашка обтягивает широкую спину, рукава закатаны до локтей. Он медленно повернулся. Глаза тёмные, почти чёрные.

— Я запер дверь, — сказал он спокойно, но голос выдал напряжение. — Потому что больше не могу ждать.

Я замерла. Пальцы сжали папку так, что побелели костяшки.

— Тимур... нет. Работа. Я не могу...

Он шагнул ко мне. Ещё шаг. Остановился вплотную. От его тела шёл жар. Я отступила — спина упёрлась в дверь. Холод дерева и огонь внутри.

— Тогда скажи чётко, милашка, — прошептал он, склонившись так близко, что губы почти касались моих. — Скажи: «Я не хочу тебя, Тимур». И я открою дверь и выпущу тебя.

Я хотела произнести эти слова. Очень хотела. Но вместо них вырвался тихий стон, и тело предало меня окончательно: бёдра сжались, соски заныли, между ног стало мокро и пульсирующе. Он улыбнулся — медленно, опасно, красиво. Схватил меня за талию и впился в губы. Поцелуй был жгучим, жадным, безжалостным. Язык вошёл в мой рот, сплёлся с моим, требуя полного подчинения. Я ответила отчаянно, без остатка. Мои пальцы вцепились в его волосы, притянули ближе. Он рыкнул мне в рот — низко, по-звериному.

Одним движением он развернул меня к столу и прижал грудью к прохладной поверхности. Задрал юбку до пояса. Ткань трусиков порвалась под его пальцами — он не стал снимать, просто рванул в сторону. Кожу обдало холодным воздухом, а потом — его горячим дыханием.

Он опустился на колени позади меня. Раздвинул мои бёдра, широко, властно. Язык прошёлся по мне одним долгим, медленным движением — от входа до клитора. Я выгнулась, вцепилась в край стола. Он вошёл языком глубоко, ритмично, потом вышел и обвёл клитор быстрыми кругами. Зубы слегка прикусили чувствительную точку; я вскрикнула и зажала себе рот ладонью. Следом вошли его пальцы — два сразу, жёстко и глубоко. Они двигались быстро, нащупывая ту точку внутри, от которой подкашивались ноги. Большой палец тёр клитор без пощады.

— Ты течёшь по моей руке, — прорычал он. — Такая мокрая... и готовая.

Я задыхалась. Бёдра дрожали. Пальцы ног поджались в туфлях так сильно, что свело судорогой.

Он поднялся. Расстегнул брюки; звук молнии резанул по нервам. Я услышала, как он достаёт себя — горячего, уже влажного на кончике. Он прижался ко мне сзади, головка упёрлась в вход и надавила.

— Скажи, что хочешь, — потребовал он хрипло.

— Хочу... тебя... пожалуйста...

Он вошёл одним резким толчком — до самого конца. Я закричала в ладонь. Боль смешалась с удовольствием такой силы, что мир сузился до одной точки. Он замер на секунду, давая мне привыкнуть, потом начал двигаться — глубоко, сильно, без пощады. Каждый толчок выбивал воздух из лёгких. Стол скрипел под нами. Его рука скользнула вперёд, пальцы нашли клитор и тёрли быстро, жёстко, в такт ударам. Другая рука сжала мою грудь через блузку, рванула, пуговицы разлетелись, чашка лифчика сдвинулась. Пальцы защемили сосок — сильно, почти до боли. Я выгнулась, подаваясь назад, навстречу ему.

— Громче, — приказал он. — Хочу слышать, как ты кончаешь.

Я не могла сдержаться. Стоны вырывались сквозь ладонь — сдавленные, но громкие. Он ускорился. Вошёл особенно глубоко и замер, пульсируя во мне. Я почувствовала, как он кончает — горячими толчками, заполняя меня полностью. Это добило меня. Оргазм накрыл меня волной, такой сильной, что я ослепла. Тело содрогнулось, ноги подкосились. Он подхватил меня за талию и продолжал двигаться медленно, выжимая последние спазмы.

Мы стояли, тяжело дыша, прижавшись друг к другу. Потом он вышел из меня и развернул лицом к себе. Поцеловал — теперь нежно, почти ласково. Провёл большим пальцем по моей щеке, стирая слезу, которой я даже не заметила.

— Иди, Злата. Работай. Но знай: это только начало.

Он застегнул ширинку, усмехнулся и открыл дверь. Я вышла на дрожащих ногах. В туалете долго умывалась, одёргивала одежду, не попадая пальцами в петли. Между ног всё пульсировало, бельё промокло насквозь. Из зеркала на меня смотрела незнакомая женщина: губы опухшие, глаза блестят, на шее красный след от его зубов.

«Что ты делаешь? — спрашивала я её. — Что ты делаешь?»

А она не отвечала. Она слишком хорошо знала ответ.

Домой я пришла к вечеру, и тут же поняла: что-то не так. Мама сама забрала Милу из садика раньше. Дочка лежала на диване горячая, вялая, с красными глазками.

— Температура подскочила к вечеру, — сказала мама, не глядя на меня. — Дала сироп, но завтра врача надо вызвать.

Я подхватила Милу на руки. Она прижалась ко мне и прошептала:

— Мам... не уходи...

Я уложила её. Сидела рядом, гладила по волосам, пока дыхание не стало ровным. Смотрела на маленькое румяное лицо — доверчивое, незащищённое — и слёзы текли сами, без остановки.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.